

Глава 1

Я гляжу на свой новый набор фломастеров. Их тридцать шесть штук, и все тридцать шесть ровнехонько лежат в пенале у меня на столе. Поначалу темно-зеленый фломастер выбивался из шеренги, торчал вперед на одну шестнадцатую дюйма, а пурпурный был повернут наклейкой вбок, но я навела порядок. Теперь они выглядят просто идеально. Довольная результатом, я устраиваюсь на своей розовой кровати под балдахин и открываю книжку.

Тут-то все и начинается. Бум, бум, бум, БУМ!

Потом к стуку добавляется мелодичное мычание – мелодия из «Роборыцарей», это такой мультик, в котором рыцари-роботы на колесах только тем и занимаются, что врезаются друг в друга.

Потом мычание и стук слышатся одновременно.

– Мейсон! – кричу я.

Дверь комнаты открывается, и появляется голова моего семилетнего брата.

– Что, Джерзи Мэй? – спрашивает он. На нем полосатая коричневая рубашка, от которой его большие карие глаза кажутся еще темнее. А уж ресницы – длиннее, чем у жирафа! Вот ведь несправедливость – зачем ему такие ресницы, лучше бы мне или сестрам достались.

Мейсон постукивает мячом об пол и глядит на меня.

Я сажусь, опершись на руку, и измеряю его взглядом.

– Я хочу почитать. Ты не мог бы перестать петь и стучать мячом ну хоть на две секунды?

Мейсон смотрит на часы – они у него большие, электронные, ему мама подарила на день рождения.

– Ладно, – говорит он и замолкает – не поет, не стучит мячом об пол. Но спустя ровно две секунды начинает петь и стучать снова.

– Две секунды прошли! – улыбается он.

Я вскакиваю с кровати и захлопываю дверь прямо перед его носом. Я слышу, что он смеется – хи-хи-хи! – и, постукивая мячом, уходит по коридору. Я рывком открываю ящик комода, достаю затычки для ушей – розовые, в тон комнате – и сую их себе в уши.

Открывается дверь. Это снова Мейсон. Он что-то мне говорит.

Я показываю на затычки в ушах.

Мейсон начинает орать, чтобы я его услышала.

Я вздыхаю и вытаскиваю затычки.

– Чего тебе?

– Можно, я возьму твои новые фломастеры?

– Ну... – говорю я, раздумывая. С фломастерами он хоть какое-то время не будет стучать мячом.

– Ну, пожалуйста, – просит он.

– Ладно, – говорю я наконец.

Мейсон широко улыбается и идет напрямиком к столу, где я держу все для рисования.

– Но с условием, – говорю я.

Мейсон останавливается на полпути и оглядывается.

– Опять все расставлять ровненько и по цветам?

– Да, – отвечаю я. – И закрывай колпачком каждый раз, когда кладешь фломас-

тер, даже если собираешься его снова взять. И уложи их потом в пенал этикетками вверх, ясно?

Мейсон отходит подальше от моего стола с таким видом, словно у него заболел зуб.

– Да зачем все это нужно? – говорит он. – Какие условия, я же просто пораскрашивать!

Даже не знаю, что на это ответить. Условия и правила *должны быть всегда* – даже чтобы просто пораскрашивать.

– Затем, – говорю я, – что тогда фломастеры будут как новенькие, а не высохшие, как у тебя. Ну сам посмотри, ведь гораздо же красивее, когда фломастеры лежат аккуратно и по порядку, а не валяются где попало.

– Не-а, – говорит он, – мне больше нравится, когда валяются.

– Ну и ладно. Иди тогда стучать своим

мячом. Я свои новенькие фломастеры по углам разбрасывать не дам.

Мейсон тяжело вздыхает и поворачивается к двери. И тут он задевает мой пенал с карандашами, в котором все карандаши аккуратно выстроены по размеру.

– Мейсон! – рычу я. Карандаши катятся по столу и падают на пол.

– Ой, я сейчас поправлю, – говорит он, начинает подбирать карандаши и пихает их обратно в пенал, все вперемешку, одни грифелем вниз, другие – вверх. Это невыносимо!

– Не надо, лучше я сама, – говорю я.

Мейсон выскальзывает за дверь.

Собрав и заново разложив карандаши, я закрываю дверь и снова берусь за книжку. Это автобиография очень известной балерины, мисс Камиллы Фримен. Мы с подругами познакомились с ней две недели назад. У нашей преподавательницы

балета мисс Деббэ была драгоценная пара балетных туфель с автографом мисс Камиллы, но моя подруга Бренда их у нее взяла, правда, без ведома самой мисс Деббэ. А у кузины Бренды есть собачка по кличке Помпончик, ну и этот Помпончик втихаря сжевал туфли, а мы потом ходили к мисс Камилле просить новые туфли, чтобы отдать их мисс Деббэ вместо съеденных. Представляете – у нас все получилось. Мы даже пили чай с мисс Камиллой Фримен. Это было великое событие в моей жизни!

Вот что мне нравится в мисс Камилле Фримен:

1. Она стала первой чернокожей балериной «Балета Нью-Йорка».
2. Она изумительно танцевала, хотя теперь она уже довольно пожилая.
3. Она красиво одевается и вообще очень элегантная.

4. Она единственный ребенок в семье – то есть у нее нет младших братьев.

Увы, увы, ко мне относится только третий пункт из этого списка. Я отношусь к одежде очень внимательно (моя сестра Джоанна говорит, что я привереда) и стараюсь одеваться красиво. Вот сейчас, например, я никуда не иду, а на мне хорошенькая розовая маечка и джинсы точно по размеру. Вот Джоанна, та вечно носит старые растянутые спортивные штаны и бейсболки, а Джессика как-то странно сочетает детали одежды. Когда она одевается, то думает обычно о каком-нибудь своем стихотворении и совсем не смотрит, что берет из шкафа.

А вот остальное из списка... По первому пункту – мне никогда уже не стать первой чернокожей балериной «Балета Нью-Йорка». И единственным ребенком, как в четвертом пункте, мне тоже не бывать – мы

же с сестрами тройняшки, да еще младший брат в придачу.

Мне *хотелось* выполнить хотя бы второй пункт – научиться изумительно танцевать, но, увы, пока что я танцую хуже некуда.

Вот Джессика танцует отлично. И движения легко запоминает. У нее одна нога чуть короче другой, поэтому сестре приходится носить специальную балетную обувь, но, глядя на ее танец, ни за что об этом не догадаешься. Движения у нее плавные и грациозные, и мисс Деббэ говорит, что Джессика очень артистична.

Джоанна у нас прирожденная спортсменка. Не то чтобы она любит танцевать, но выходит у нее здорово. Она вкладывает в каждое движение силу, и мисс Деббэ то и дело напоминает ей: балет – это изящное искусство, а не соревнования по прыжкам с шестом.

А вот я... не хочется даже самой себе признаваться, но я танцую отвратительно. То есть *просто ужасно*. Я вечно шагаю не туда, по сто лет учу каждое движение, а когда выучу, все равно все перепутаю. И даже когда мисс Деббэ меня хвалит – а это бывает *очень-очень* редко – я прекрасно вижу, что развернула ногу чуть сильнее, чем следовало бы, или недостаточно выпрямила пальцы. И чем больше я стараюсь, тем хуже у меня выходит. Другие девочки тоже путаются, но словно бы не замечают этого, а я вижу каждую свою ошибку. И это меня очень огорчает.

А что хуже всего – я ведь *люблю* балет. Я все время смотрю диски с балетными постановками. Я мечтаю стать прима-балериной, как мисс Камилла Фримен. Несправедливо же – Джоанне на балет наплевать, а Джессика охотно променяла бы его

на стихи и свой зверинец, – но при этом обе они так хорошо танцуют!

Завтра в балетной школе будут рассказывать про концерт ко Дню Благодарения. Танцуй я получше, ждала бы этого дня с нетерпением. А так я его только боюсь. Из рук вон плохо танцевать дважды в неделю на занятиях – и то неприятно, а уж из рук вон плохо танцевать на сцене перед полным залом – это суший кошмар.

Кто-то стучит в дверь.

– Ну что еще, Мейсон? – кричу я.

Дверь открывается, и я вижу не только Мейсона, но и Джессику с Джоанной у него за спиной. Все говорят, что мы с сестрами абсолютно одинаковые, но стоит присмотреться, и сразу поймешь, какие мы разные. У Джоанны руки и ноги тонкие и мускулистые от занятий спортом. Джессика – та потолще, и взгляд у нее мягче.

– Мы идем играть в баскетбол, – говорит Джоанна. – Хочешь с нами?

Наш дом стоит почти в самом конце квартала, совсем рядом с небольшим парком. В парке есть баскетбольная площадка. Мейсон и Джоанна часто играют там в баскетбол, да и Джессика порой ходит с ними.

Но я не хочу перепачкать одежду. И в баскетбол играть не умею. А даже если бы и умела, все равно ничего бы у меня не получилось. Мне и так завтра изображать дурочку в балетной школе, так зачем еще и сегодня позориться?

– Спасибо, не хочется, – отвечаю я.

– Ну хоть раз попробуй, Джерзи, – говорит Джессика. – Это же весело!

– Спасибо, не хочется, – повторяю я. – Мне надо вот эту книжку прочесть.

Они уходят, а я опускаю книжку и гляжу в розовый потолок. Через несколько ми-

нут я слышу их смех и шум в парке. Я иду к окну и смотрю, как они играют. В сумерках сестры и брат кажутся маленькими, будто игрушечными.

Я думаю о завтрашней репетиции. Вот бы случилось чудо, и я стала бы порхать по сцене. Но нет, этого не будет. Я снова опозорюсь. После концерта все будут веселые и счастливые, а я буду вспоминать каждую ошибку, которую сделала во время танца.

Ничего не изменится. Я так и останусь белоснежной и аккуратненькой балериной, хуже которой нет на свете.